- Горичева Татьяна
  -

Горичева Татьяна
Об обновленчестве, экуменизме и 'политграмотности' верующих

Татьяна Горичева

Об обновленчестве, экуменизме и "политграмотности" верующих

ВЗГЛЯД РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА, ЖИВУЩЕГО НА ЗАПАДЕ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Имя и труды Татьяны Михайловны Горячевой) замечательного, глубоко верующего православного человека, гораздо известнее на Западе, чем в России. Так судил Господь, чтобы ее талант христианского писателя, философа и общественного деятеля наиболее ярко раскрылся и послужил людям вдали от Родины.

Если попытаться охарактеризовать жизнь Татьяны Михайловны в последние два десятилетия, на ум вдруг приходят необычные слова -- "православное миссионерство". Да, да, именно православное миссионерство на Западе, как парадоксально это не звучит, Благовестие, построенное в соответствии с православной духовной традицией,

Не правда ли, сама постановка вопроса о проповедничестве русского человека на Западе многих может удивить, ведь о взаимоотношениях с западным миром у нас обычно принято думать и говорить в двух смыслах: либо Россия -- духовная падчерица Запада, неудачный слепок с западной цивилизации, либо она -беззащитная жертва западной духовной агрессии, мишень тайных интриг, направленных на разрушение всего русского и православного.

Жизненный путь Татьяны Михайловны начисто опровергает эти представления. На Западе люди тоже нуждаются в пище духовной, и нуждаются ничуть не менее, а даже более, чем в России, а потому Православие способно стать спасительной соломинкой, ухватившись за которую, можно "остаться на плаву" в том безбрежном океане неверия, страстей и цинизма, в который превратился "цивилизованный" мир.

В своем развитии миссия Горичевой совершенно непохожа на те сценарии, по которым в России действуют самозваные протестантские проповедники. Главное в ней -- ненарочитость, ненадуманность всего сделанного и сказанного. Даже обстоятельства появления Татьяны Горичевой на Западе были для нее совершенно неожиданными: в 1980 г. вместе в двумя другими активными участницами "Христианского женского движения" она была выслана из СССР и прибыла в Вену. Протест против коммунистической системы в то время вообще был делом опасным, протест же христианский --. вдвойне. Члены движения подвергались постоянным преследованиям, неоднократно сидели в тюрьмах, помещались в психушки. Но, несмотря на это, деятельность не прекращалась и была по-настоящему отчаянной: демонстрации в защиту политзаключенных, против войны в Афганистане, религиозные собрания и православный детский сад, нелегальные журналы: "37" -- журнал христианской культуры, и "Мария"--женский православный журнал. Тиражи этих изданий были почти полностью конфискованы КГБ, однако отдельные экземпляры все же попали за рубеж, из-за чего имя Татьяны Горичевой стало известным на Западе.

Первым сильным потрясением на "свободном" Западе стало для нее вопиющее безразличие общества к христианскому призыву. Политическая цензура, тяготевшая над свободной мыслью в Советском Союзе, не шла ни в какое сравнение с той негласной духовной цензурой Запада, которая не пропускала на страницы печати и телевизионные экраны никаких религиозных заявлений "русской диссидентки", ограничивая все одной политикой. Но одновременно с этим произошло и другое: встречаясь со многими людьми, Татьяна Горичева убедилась в том, насколько велик в среде западных христиан интерес к русской духовности. Поэтому ее общественная деятельность началась как бы сама собой, по долгу сострадания к людям, которых довелось повстречать и полюбить душой.

И вот чудо Божие! Лекции Татьяны Михайловны об истории духовной культуры России и православном мировоззрении нашли своих благодарных слушателей и их популярность стала быстро расти, хотя для такого успеха, казалось бы, не было никаких видимых предпосылок: ни шумной рекламной поддержки, ни мощных финансовых вливаний. Постепенно вокруг нее сложилось целое общественное движение, так называемый "секретариат Татьяны

Горичевой", с началом реформ в СССР поставивший своей задачей укрепление духовных связей с православными и оказание им помощи.

Ныне Татьяна Михайловна Горичева -- автор более 10 книг, переведенных примерно на 30 европейских и азиатских языков. В последнее время она живет в России, считая необходимым быть вместе со своей страной и своим народом, продолжает вести широкую общественную работу, выступает в средствах массовой информации.

При подготовке настоящего текста были использованы фрагменты публичных выступлений Татьяны Михайловны в России в марте-апреле 1997 г., а также интервью, данные Санкт-Петербургскому православному издательству "Сатисъ" в мае и августе 1997 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Диалог, случайно услышанный на одном из православных собраний: МОСКВИЧ (обращаясь к своему собеседнику, приехавшему из провинциального города N):

А у вас в N кто из духовенства относится к консервативному крылу? ПРОВИНЦИАЛ (в раздумии, с некоторой робостью и смущением): -- К консервативному крылу? Не совсем понимаю, что Вы имеете в виду?

МОСКВИЧ (с назидательностью в голосе):

Ну, это такие батюшки, которые вместе защищают чистоту традиции, борются против нововведений в богослужении, против экуменизма...

ПРОВИНЦИАЛ (слегка оправившись от конфуза): -- А нет у нас никаких крыльев. И экуменизма тоже нет. У нас в N народ простой: кто-то с кем-то дружит, кто-то -- нет, а вот чтобы создавать крылья и бороться...

ОБ ОБНОВЛЕНЧЕСТВЕ, ЭКУМЕНИЗМЕ И "ПОЛИТГРАМОТНОСТИ" ВЕРУЮЩИХ

Надо сказать, что с каждым новым приездом в РОССИЮ, я нахожу все больше и больше православных людей, говорящих и спорящих об экуменизме и обновленчестве, С прискорбием замечаешь) что дискуссия, бывшая прежде сугубо частной и богословской, из кулуаров, как говорится, "выплеснулась в массы". И хотя пока что преобладают отрицательные оценки, все-таки нужно задуматься, как оценить этот факт, и с чем можно связать столь очевидный прогресс либеральной церковной идеи в России, ведь

втягивание в спор рядовых верующих нельзя расценить иначе, как ее явный прогресс. Конечно, можно сослаться на трудности времени, на оскудение веры, происки католиков и мирового масонства и т.п. факторы, которые неизбежно склоняют чашу весов к дальнейшей секуляризации Церкви. Со многими подобными доводами невозможно не согласиться, ибо время ныне действительно трудное, но все же это не избавляет нас от необходимости здраво анализировать происходящее и видеть в нынешних проблемах не одни только происки темных сил, но и многочисленные собственные ошибки, тем более, что их, этих ошибок--приверженцами чистоты православной традиции за последние годы допущено, увы, более чем предостаточно.

Говорить об этом непросто, Необходима определенная смелость рассуждать о судьбах Церкви Божией в мире, и еще большая смелость предавать свое мнение широкой огласке. Но еще сложнее -- видеть и молчать, тем более, что многие события в Русской Церкви мне, как человеку, часто бывающему и на Западе, и в России, глубоко понятны в их тесной связи с тем, что происходит в последние десятилетия в религиозной жизни Европы.

Дерзаю приступить к этой теме еще и потому, что не буду касаться высокой церковной политики или апеллировать к конкретным именам и фактам церковной жизни России, Скажу лишь о том, что касается меня лично как рядовой православной христианки, и человека, не чуждого общественной и церковной деятельности. Надеюсь, что этот обобщающий взгляд не покажется читателю слишком предвзятым или высокомерным - поверьте, я тоже человек и отнюдь не лишена эмоций, но те вещи, о которых мне хотелось бы сказать в связи с сегодняшней церковной ситуацией в России, представляются настолько важными, что заставляют отодвинуть в сторону пристрастия и говорить максимально просто и откровенно.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на экуменические и реформистские споры - это вопиющая замкнутость православных в России на самих себе, граничащая с самым настоящим провинционализмом. Наши внутриправославные дискуссии зачастую происходят так, как будто всего остального мира не существует. Нельзя сказать, что спорящие стороны проявляют себя поверхностно и некомпетентно, скорее напротив -- богословский и исторический аппарат, привлекаемый для аргументации своих позиций многими

весьма уважаемыми в Церкви людьми, очень серьезен, даже слишком глубок и серьезен. С богословско-научной точки зрения это делает честь его авторам, но невозможно свести все к одним только теоретическим дискуссиям, в которых с первых шагов вязнет и перестает что-либо понимать абсолютное большинство верующих. Мы вступаем в споры о богословских тонкостях и тем самым уже отдаем определенную дань прогрессистскому духу. Но ведь экуменизм это все же не чисто внутренняя проблема Русского Православия. Экуменическая идея в том и состоит, чтобы объединяться с кем-то извне. Так давайте прежде рассматривать именно эти внешние практические аспекты)

Для начала уясним, зачем объединять все на свете? Что это, простите, за интеграционный зуд? Чем практически может быть полезно для православных экуменическое единство с католиками и протестантами? Что за ценности в случае объединения будет содержать в себе "общая копилка"? Именно с этих вопросов необходимо начинать любой разговор об экуменизме. Только на первый взгляд может казаться, будто объединение всего и вся знаменует собой некий безусловный прогресс. Да, действительно, в современном секулярном мире вещи представляются именно таким образом, но на то мы и христиане, чтобы беречь трезвость ума, оценивать все мирское с известной осторожностью, и с особенной опаской подходить к тем идеям, которые мир силится внушить Церкви.

Так в самом деле, зачем объединяться? Очевидно, затем, чтобы создать нечто новое и лучшее -- в данном случае некую новую, более совершенную Церковь, в которой всем христианам станет жить лучше, чем раньше. Никакого другого смысла в объединении найти невозможно, Интеграция необходима и положительна тогда, когда приносит благие плоды, и совершенно бессмысленна, если таковых плодов не приносит или приносит их в ущерб чему-либо или кому-либо.* (* -- это условие, пожалуй, наиболее важное, очень важное, сходное по своему смыслу и значению со знаменитым гиппократовским "не навреди". Оно предостерегает от искушения духовных компромиссов и соглашательства.)

Рассмотрение экуменической проблемы еще более упрощается, перестает быть "темой для посвященных", будучи представленным в

виде трех простых тем, которых мы и будем стараться придерживаться далее:

1. Кто те, с кем нам предлагают объединиться?
2. Чем они могут с нами поделиться?
3. Нуждаемся ли мы в том, чем с нами могут поделиться?

Но, к сожалению, в наших дискуссиях эти вопросы чаще всего остаются как бы "за кадром". Весь сыр-бор происходит таким образом, будто нам предлагают объединиться не с реально существующими людьми, а с некими абстрактными, чуть ли не мифическими персонажами, о которых только известно, что они "тоже христиане". В России нет почти никакой информации о том, каковы сегодня западные христианские конфессии. Но ведь если обратиться именно к этой стороне вопроса и подробнее рассмотреть события последних десятилетий в церковной жизни Запада, то для большинства интересующихся экуменической проблемой наверняка многое прояснится. Откроются очень интересные вещи, которые, я уверена, сегодня убеждают в несостоятельности прогрессистских фантазий куда лучше, чем самые глубокие теоретические аргументы.

Тот же подход применим и к обновленческим спорам. В вопросе о либеральных реформах Русское Православие также не является первопроходцем. Российскими либералами сегодня не изобретается ничего нового, а только используется старый протестантский и католический реформаторский багаж. Минуло уже несколько десятилетий с тех пор, как христиане на Западе объявили "движение навстречу современности" своей официальной доктриной. Известны и горькие итоги такого решения. А потому мы допускаем принципиальную ошибку, когда начинаем теоретизировать то, что хорошо известно из практики. Именно здесь скрыта ахиллесова пята российского обновленчества, и потому нам обязательно необходимо знать о практических сторонах западных реформ, так сказать, уметь "шагать в ногу со временем". Разумеется, это соответствие времени для нас должно иметь свой, отличный от либерального, смысл: православному необходимо быть современным прежде всего затем, чтобы четко сознавать, чему и как противостоять в борьбе за чистоту Православия.

Без этого совершенно невозможно поддерживать православную позицию на достаточно компетентном и аргументированном уровне.

Необходимо, если можно так сказать, непрерывное "повышение квалификации" православной апологетики, ее корректировки с учетом происходящих перемен. К примеру, многие богословские аргументы, которые православные по старинке предъявляют католикам и протестантам в доказательство их неправоты, уже давно перестали иметь какое-либо значение. Они основаны на добротных, но, увы, полностью устаревших источниках и потому для всякого, кто знаком с современной ситуацией в католичестве и протестантизме, выглядят совершенно нелепо. Во многих случаях мы беремся полемизировать по несуществующим проблемам, учим по учебникам сравнительного богословия конца XIX-начала XX века, хотя того "хрестоматийного" протестантизма и католичества уже просто нет на свете. Необходимо осознать: попытка строить апологию по инерции непременно приводит в тупик, делает богословские споры похожими на войну с ветряными мельницами. Не замечать изменений и не меняться в подходах к защите своих позиций сегодня означает самим дать в руки господам либералам немалые козыри для критики традиционализма, истолкования на свой манер событий и процессов, которыми захвачен христианский Запад.

Какие же изменения произошли на Западе за последнее время? Еще 20 лет назад в богословских трудах де Любака, других католических богословов были полностью разгромлены догмат о непогрешимости Папы, филиокве и другие традиционные компоненты католического учения*. (* -- отделение католиков формально произошло в XI веке после принятия Римом текста Символа Веры, включавшего в себя "филиокве" - догмат об исхождении Святого Духа, третьего лица Святой Троицы, как от Бога-Отца, так и от Сына Божия. Впоследствии различия Православия и Католицизма еще более углубились вследствие принятия католиками ряда новых догматов: о непогрешимости Папы, о непорочном зачатии Девы Марии и др.)

Нельзя всерьез спорить и с учением Лютера, поскольку лютеранская церковь более не является его носителем. Да и вообще, что такое лютеранская церковь, не возьмется ответить никто сегодня. Все больше "дезертиров" уходит из нее. Кто примыкает к католикам, кто к новомодному харизматическому движению, во главу угла ставящему даже не личное благочестие, как у "классических" протестантов, но харизмы - "дары Святого Духа". Является ли человек

подлинным учеником Христовым или нет, судится исключительно по его видимым харизмам.

Даже самые либеральные из православных имеют в виду под церковностью что-то гораздо более стройное и целостное, чем у теперешних протестантов на Западе, где начисто отсутствуют иерархия, преемственность, общее учение, духовные авторитеты, на которые можно было бы хоть как-то ориентироваться простым верующим, какие-либо общепринятые нормы приходской жизни, наконец, общее понимание содержания и смысла богослужений -все это перестало быть нужным, перестало интересовать. Даже споров по этим вопросам нет. Вдумайтесь, ситуация, которая нас так беспокоит в России: консервативный и либеральный лагеря с борьбой между ними -- даже это для них уже невозможно! Никого не волнует, как мыслит другой, что делается в соседней общине -- это их дело, это их право жить и думать по-своему. Ну, конечно, есть определенные дискуссии среди богословов, но это, так сказать, профессиональные ценности и профессиональные споры. К реальной жизни они, как правило, непосредственного отношения не имеют. Во всяком случае, каждый протестант всегда может выбрать для себя то или иное течение или богословскую школу, с которой он более-менее согласен, и считать себя ее приверженцем, нимало не интересуясь другими течениями и школами и не смущаясь их отличиями и противоречиями. Каждый сам по себе, в свободном полете. Полное индивидуальное творчество.

Если знать обо всем этом, становится совершенно непонятным, с кем же мы, простите, ведем богословский диалог? С кем предполагается объединяться? С теми, кто не имеет единства между собой? Нелепость этой идеи очевидна. А коль так, давайте не будем вступать в прения по несуществующей проблеме. Давайте не будем увязать по уши в экуменистических спорах, ведя себя таким образом, будто, когда речь заходит об экуменизме, все одинаково понимают, о чем говорят. Если объединяться, то уж решать задачи по порядку. Поначалу нужно дождаться объединения многочисленных протестантских деноминаций, выработки ими более-менее общих взглядов и целостного учения, далее приступить к устранению разделения между протестантами и католиками, а уже потом добраться и до более сложной проблемы воссоединению восточного и западного христианства. Но ведь всякий понимает, насколько невыполнима эта

задача. Начиная с эпохи Возрождения вся история христианства на Западе представляет собой поступательный и непрерывный распад церковности, продолжающийся уже нескольких веков. Утраченное единство не вернуть никакими формальными решениями, никакими богословскими конференциями. Поэтому к реальному единомыслию никто даже не стремиться, и вполне понятно почему: переделывать самих себя -- занятие для современного общества скучное и безынтересное. Гораздо веселее заниматься совершенно иным - "создавать базу" для объединения с другими христианами. Сегодняшний мир интересуется только глобальными масштабами и глобальными проблемами. Ничем иным современный человек неспособен увлечься в принципе. В этом-то и состоит основной трюк экуменизма -- не устранять разделение, а нивелировать любые различия как несущественные. Поэтому экуменизм давно перестал быть церковным делом, давно утратил свое религиозное звучание. Это чисто политическая конъюнктурная идея, давно вошедшая вместе с другими штампами, вроде "общеевропейского дома", "мира без войн и насилия", "общества равных свобод и возможностей" в разряд "общечеловеческих ценностей". Может показаться странным, но подлинно религиозный смысл экуменизму, пожалуй, придается только в России, в Православии, то есть там, где с ним официально борются.

Конечно, здесь не рассматривается деятельность суперэкуменистов, исповедующих по сути даже не христианство, а новую сверхрелигию, в которой все должно быть слито воедино, составлено общее богослужение и т.п. Назначение и важность этой "миссии" для ближайшего будущего не вызывает сомнений - идет подготовка к принятию единого всемирного антихристианского культа, и все же, говоря об экуменизме, мы вряд ли должны отождествлять с ним деятельность такого странного органа, как Всемирный Совет Церквей, поскольку даже у западных христиан его работа вызывает скептическую улыбку. На этот факт нужно обратить внимание как на серьезную ошибку нашей антиэкуменической пропаганды. Всемирный Совет Церквей - это ложная мишень. Было бы неверным сводить критику экуменизма к критике работы ВСЦ, о котором почему-то в России известно как о флагмане экуменического движения. Если увлечься пересказом побасенок о симпатиях ВСЦ к сексуальным меньшинствам и прочими жареными подробностями, можно

проморгать по-настоящему важные события, посредством которых либеральные веяния действительно могут войти в нашу Церковь.

В западном мире ВСЦ не пользуется поддержкой ни у одной из крупных христианских деноминаций, и в этом необходимо отдавать себе отчет. Этот орган -- приманка для тех, кто окончательно поверил в "христианство без границ", кто, называя себя христианином, вместе с тем вышел из рамок какой-либо церковной традиции. С течением времени работа ВСЦ принимает все более и более несерьезные формы. Появляются элементы самого неприкрытого синкретизма, ставящего христианство на одну полку с исламом, иудаизмом и восточными религиями. На конгрессе в Канаде, к примеру, вообще творилось что-то неописуемое. На "общей литургии" участников конференции плясали самые настоящие индейские шаманы с бубнами...

Западное общество все больше и больше оправдывает определение общества постхристианского, в сознании которого тесно переплетены и мирно сосуществуют элементы христианские, языческие и откровенно демонические. Этот мир, получив в свое время изрядную "инъекцию" христианства, теперь обладает абсолютно непробиваемым иммунитетом против всех его призывов и предостережений. Как удар колокола, как сигнал-предупреждение прозвучало для западных христиан решение местных властей Баварии запретить помещать Святой Крест в общественных заведениях. По мысли творцов нового закона крестное изображение должно быть изъято из употребления, поскольку "ущемляет свободу совести представителей иных вероисповеданий". Имеются свидетельства, что самое непосредственное отношение к принятию такого закона имели представители немецких теософских обществ.

"Нью эйдж" ("новая эпоха") - это название синкретической секты, получающей в кругах западной интеллигенции все большее распространение, по-видимому, будет в полной мере определять лицо нового XXI века. Третье тысячелетие отнюдь не будет безрелигиозным. Так могло показаться еще 40-50 лет назад, когда наука шагала семимильными шагами, а мечтателям грезились межпланетные и межзвездные полеты, встречи с иными цивилизациями и т.п. Но в конце XX века, особенно после падения коммунистической мировой системы, материализм потерпел полное фиаско. Атеистическая идеология, полностью выполнив свое

предназначение, - оторвать человечество от прежде сильной христианской традиции, -- и сама на этот раз уходит со сцены. Ее место занимает вполне религиозная синкретическая смесь, обладающая сильной отрицательной мистикой, переворачивающая представления о мире с ног на голову, играющая на тонких струнах человеческой гордыни и наиболее сильных страстных влечениях. Эта смена эпох заметна и по тому, как быстро переориентировались лавки, торговавшие в былые годы Марксом и Троцким, на продажу эзотерики и оккультной мистики, и по образчикам современной массовой культуры. Редкий фильм или книга теперь остаются полностью выдержанными в материалистическом духе. В большинстве случаев их авторы считают совершенно необходимым элементом своих творений некоторую дерущую по коже примесь потустороннего.

Некогда утраченная западным христианством церковная мистика в наши дни возрождается в совершенно диких формах, впрямую напоминающих оккультные практики и приемы. На весь мир известен феномен Торонто, где группа протестантских пасторов в присутствии толп народа проводит сеансы "принятия Духа Святого". Это действо даже с натяжкой не назовешь молитвенным собранием. Экзальтированные призывы ко Всевышнему, пассы со сцены, после которых в народе начинается массовый психоз: люди падают на землю, многие корчатся, издают нечленораздельные звуки, что выдается за говорение языками...

Все это я говорю для того, чтобы стал понятен очень важный момент: экуменизма как единого фронта, как общего движения попросту нет. Под экуменизмом в разных случаях понимают разные вещи, сильно зависящие от потребы дня и местной специфики.

Во Франции, к примеру, об экуменизме говорят только затем, чтобы показать, что религия это дело прошлого и никакие религиозные принципы не должны мешать жизни общества. То есть экуменизм служит прикрытием дальнейшей секуляризации жизни. Франция -- это одна из самых секуляризированных европейских стран, и отступление от веры в ней с каждым годом все усиливается. На воскресной мессе в знаменитом парижском соборе Нотр Дам -- не более 12-15 прихожан. И это на весь огромный собор. От такого зрелища на глаза наворачиваются слезы...

В России экуменизм это, во-первых, меркантилизм, желание получить от Запада деньги и, во-вторых, знамя, под которым собираются все сторонники либеральных реформ. Здесь мы снова видим, как экуменизм становится служебным понятием, прикрывая собой иные цели, в данном случае реформаторские. Идея экуменизма, "всемирного христианского братства", используется как красивая ширма затем, чтобы облечь определенные замыслы неким положительным ореолом.

В Германии экуменизм означает стремление к преодолению барьеров, разделяющих нацию. После устранения границы между ФРГ и ГДР и восстановления единого германского государства немцы переживают небывалый патриотический подъем. Последствия второй мировой войны все же очень сильно сказывались на их национальном сознании. Достаточно сказать, что слово "фатерлянд" -- "отечество" буквально до последнего времени было под запретом, и только сейчас вновь стало использоваться в официальных выступлениях, документах и прессе. Переживают возрождение традиционная немецкая культура, немецкая семья. На этой-то волне и возникает сильный соблазн избавиться еще от одного давнего разделения нации на католиков и лютеран. Германия -- достаточно религиозная страна, особенно в сравнении с соседними Францией и Италией, а потому такое разделение достаточно чувствительно. И на объединение брошено очень много сил. Экуменизм в немецком контексте означает диалог между католичеством и протестантизмом, причем диалог скорее даже светский, чем богословский. Общество едва ли интересуется его духовным содержанием. Оно вполне удовлетворилось бы, если бы обе стороны объявили о компромиссном политическом решении: каждый человек волен посещать и католическую, и лютеранскую церковь по желанию, не отягощая себя постоянными обязательствами ни перед одной из них. Важно само решение, а не то, какой ценой оно достигнуто. Но очевидно, что такой компромисс не может произойти иначе, как за счет католиков. Он лишает их веры в Божию Матерь, почитания святых, понимания Евхаристии как Таинства и многих других составляющих церковного учения, отсутствующих в протестантизме. Поэтому католики не горят особым желанием объединяться. Для них экуменизм это всегда игра в одни ворота. Весь экуменический диалог в

Германии сводится к тому, что католики протестантизируются. Это характерная особенность экуменического движения -- низкий в нем всегда обгоняет высокого, а слабый побеждает сильного.

Но здесь совершенно необходимо сказать несколько слов и о католиках, поскольку может сложиться неверное представление, будто католичество - лишь невинная овечка, жертва коварного экуменического заговора. Это не так, ибо сегодня оно является одним из самых активных участников объединительного движения, и с каждым годом становится все более активным, поскольку стремительно либерализируется внутри себя. Собственно, того старого католичества, которое знакомо нам по учебникам сравнительного богословия и противокатолическим катехизисам, уже давно нет как такового. Вернее, остались какие-то отдельные признаки, исходя из которых можно отождествить современных католиков с католической традицией - соблюдение иерархической подчиненности Риму, вера в Божию Матерь и т.п., но вместе с тем очень сильны нововведения, происшедшие в католической церкви за последние 30 лет. Время после II Ватиканского собора (1962--1965), на решения которого так любят ссылаться наши либералы и экуменисты,* (* -- Собор объявил католичество отрытым по отношению к другим конфессиям, снял ранее наложенные анафемы с других церквей, призвал к единству, осудил прозелитизм -- стремление обратить в католичество христиан других конфессий, открыл дорогу либеральным реформам в церкви, разрешил богослужение на современных языках.) -- это отнюдь не время его расцвета и побед, но время лавинообразного вторжения в церковную жизнь мирского секулярного духа, разрушения целостности учения и утери католичеством своего прежнего мирового влияния.

Сегодня в либеральных церковных кругах России стало очень модным опираться на решения II Ватиканского собора в доказательство неизбежности тех изменений, которые якобы должна претерпевать церковная практика под влиянием современности (мол, пора наконец признать необходимость церковных реформ, поскольку весь остальной христианский мир это уже давно понял). Причем решения Собора рассматриваются сами по себе, вне связи с их последствиями. Что это -- тонкое лукавство или непростительное незнание господами либералами современной ситуации в

католической церкви? Ведь в действительности II Ватиканский собор послужил отправной точкой, началом очень сложных внутрицерковных процессов, в результате которых к концу XX века католичество сильно сдало свои позиции.

Да, Собор ставил перед собой самые благие цели, и этому событию в западном мире придавалось очень большое значение. По замыслу его устроителей, он должен был иметь особое эпохальное значение, сыграть роль переломного момента в истории христианства, свидетельствовать об открытости, любви, способности ответить на потребности современности и нужды общества. Но случилось обратное, произошло непоправимое -глубочайший надлом в церковном организме, после которого события стали развиваться практически бесконтрольно. По сути, были сняты все тормоза на пути к широкой либерализации церкви. Это не только мое личное мнение, о том же мы говорили в беседе с кардиналом Рацингером, "правой рукой" Папы по вопросам вероучения, готовившим основные документы к Собору. Из снисхождения на приходах разрешили определять состав богослужений по своему усмотрению - и длительность мессы стала постепенно сокращаться, на сегодня кое-где составляя 15-20 минут. Отменили обязательную Исповедь перед Причастием, надеясь тем самым придать этим Таинствам самостоятельный смысл и усилить таким образом значение Таинства Покаяния, - и исповедь практически исчезла из приходской практики. Разрешили использовать за богослужением не только латынь, но и современные языки -- и абсолютно понятные службы, читаемые на итальянском или немецком, почти совсем перестали посещаться прихожанами. Религия почти никого не интересует. В восточных областях Германии (на территории бывшей ГДР), к примеру, переданные Церкви здания кирх в срочном порядке переоборудуются и продаются под кафе и прочие увеселительные заведения, так как служить мессы в них попросту не для кого.

Исчезла мистика, таинственная сторона богослужения. Священники стали служить лицом к народу и спиной к алтарю по образу протестантских собраний, а не богослужений. Пост сократился до одного-двух дней в год -- в страстную пятницу и субботу, в монастырях разрешено вкушать мясо. Перед Причащением стало достаточным не принимать пищу всего в течение часа. Были утеряны

целые страны и регионы с традиционно католическим вероисповеданием -- Испания, Франция, Латинская Америка. Церковное строение, как дом с прохудившейся крышей, стало столь стремительно размываться и разрушаться, что под угрозой оказались самые основы веры -- многие из епископов сегодня не разделяют основных догматов католической Церкви, в частности, открыто высказываясь против почитания Божией Матери. Существенно изменилась догматика. За последние 5 лет, к примеру, ни в одной из католических церквей мне вообще не пришлось слышать Символ Веры с филиокве. Исходя из этого, легко впасть в ошибку и заключить, будто все препятствия для экуменического общения между православными и католиками сняты. Собственно, такой логики и придерживаются российские борцы за либеральную церковную идею: II Ватиканский собор снял все преграды для объединения церквей, и теперь можно обняться, расплакаться и сказать "Все, теперь мы братья!" Как будто до этого вся проблема заключалась только в том, что католики были несогласны принять нас, православных, в свое братское общение, а теперь, после того, как в Ватикане нам отпустили грехи и признали некоторые свои ошибки, оставаться в отчуждении нет никаких основании, да и попросту становится нетактичным.

На Западе тоже стало очень популярным представлять дело подобным образом. Католический епископ с высокой трибуны во всеуслышание заявляет: "Православие меня обогатило", - и свободе его взглядов и мнений рукоплещет весь католический и половина православного мира, Вот ведь как представляются вещи современному либералу-прогрессисту. Был-де богат, а тут подвернулась возможность -- стал еще богаче. Эдакая идиллия, меланхолическая сказка в духе нашего прогрессивного века. Современному человеку страсть как хочется привнести хоть небольшую толику прогресса и в церковную жизнь. Но поверить этой сказке не представляется возможным, ибо сердце подсказывает: за последние десятилетия мы отнюдь не приблизились друг к другу, а напротив, стремительно разошлись к двум противоположным полюсам в понимании духовных вопросов. Многие католики и рады были бы остановить в своем стане это победное шествие "религиозной демократии", да поздно -целостность утрачена, и никакими новыми решениями никаких новых соборов ситуации не поправишь. Всякому, кто воочию видел трагические

последствия католических реформ - оскудение веры, разрушение церковных устоев, распад целостного мировоззрения, совершенно понятно, что отмена спорных догматов -- это вовсе не запоздалое раскаяние и тем более не великодушная жертва во имя христианского единства, как это часто трактуется проповедниками экуменизма и обновленчества в России и на Западе. Это лишь одно из апостасийных проявлений, знак все большего скатывания к гуманистической личине "уважения взглядов других людей", которое питается, конечно, не смирением и любовью Христовой, но происходит от религиозной индифферентности и духовного примитивизма.

Противоречий между православными и католиками отнюдь не становится меньше. По ходу дальнейшей либерализации католичества возникает множество новых усугубляющих разрыв обстоятельств, никем не "запротоколированных" и не отраженных в официальной догматике. И эти вновь возникшие противоречия гораздо опаснее, чем официально закрепленные, так как они скрыты. Они незаметны на богословских конференциях и собеседованиях, но полностью определяют весь строй и дух церковной жизни на реальном, повседневном, практическом уровне. Так что брататься с католиками после II Ватиканского собора, как это ни парадоксально звучит, стало куда труднее, чем в те времена, когда они принципиально отрицали Православие и считали нас еретиками.

Стояние в истине и отступление от нее сегодня лучше всего познается по живому инстинкту. Павел Евдокимов, православный писатель, живший в Париже, хорошо писал об этом сложном комплексе проявлений человеческого духа как о православном инстинкте. О схожести или расхождениях в вере мы судим по тому, как человек дышит, как поет, как он любит, как он молится, как он кается, как он плачет. Неверные догматы католичества никогда не были изначальным злом, с которым надлежало бороться. Они -лишь печать, формальное свидетельство вторжения в церковное сознание лукавого духа, которое произошло гораздо раньше. Если нацеливаться на неверные догматы и бороться именно с ними, тогда, в самом деле, становится непонятным, что препятствует церковному общению с католиками сегодня. Но действие духа лжи гораздо тоньше и шире. Оно не ограничивается принятием ошибочных догматических

определений, оно выражаются в изменении всего комплекса проявлений, относящихся к духовному инстинкту верующих.

Многие простые православные и католики вообще неспособны богословствовать, они не смогут достаточно подробно объяснить отличия одного вероучения от другого. Тем не менее различия в их вере есть. Они объективно присутствуют в их жизни. Это отличия в видении окружающего мира, в понимании сути своих отношений с Богом, в подходах к решению духовного. Характерной особенностью западного религиозного сознания всегда было слишком буквальное, юридическое толкование духовных вопросов, доставшееся в наследство еще от римского права. Эта черта отнюдь не исчезла из католического сознания и сейчас, после отмены противоречащих православному учению догматов. Более того, в условиях современного западного общества она все усиливается. Обмирщение сознания простого западного обывателя просто катастрофично. Оно заметно хотя бы уже по тому, с каким трудом приходится объяснять людям на Западе самые простые духовные понятия. Выступая с лекциями перед западной аудиторией, я постоянно останавливаюсь, чтобы растолковать значение таких, казалось бы, прописных истин, как "благодать", "смирение", "послушание". Тем более непонятны и загадочны для современного западного человека такие понятия, как "умиление" и "дерзновение". Люди не понимают их значение, ибо их сердце никогда не испытывало подобных чувств. Об умилении как особенно светлом, возвышенном и смиренном состоянии человеческого сердца, испытывающего невероятную любовь к Богу и сострадание к людям, в течение нескольких часов приходится рассказывать какими-то окольными путями. На одни только такие объяснения может понадобиться целая лекция. Что же касается "дерзновения", то для Запада это вещь вообще из категории абсурдных. Как объясняется дерзновение? Как смелость, основанная на смирении. Но для Запада смелость--антитеза смирению. Творчество -антитеза послушанию. Творчество понимается обязательно как какой-то бунтарский порыв, ничем неограниченное САМОвыражение. Поэтому в Церкви на Западе практически не встретишь ярких творческих людей. Это неписаное правило: если человек умный и творческий, то обязательно неверующий, а если верующий, то обязательно простоватый и необразованный. Так получилось, что

культура сама ушла из Церкви. Безо всяких государственных декретов об отделении от религии она оказалась вне Церкви. Если понятие "культура" рассматривать как производное от "культа", можно сказать, что культура на Западе попросту прекратила свое существование. Все новое можно назвать культурой только с большой натяжкой, а то, что европейские народы могли бы наследовать от своей старой культурной традиции, давным-давно вкривь и вкось изъезжено и перепахано цивилизацией, сумевшей даже самые выдающиеся произведения превратить в пошлые и скучные экранизации,

В идейном отношении вообще творится что-то неописуемое -какая-то высшая форма анархии. Даже нигилистические настроения сегодня большая редкость. Нигилизм выглядит чем-то умильно-наивным на фоне чудовищного цинизма -- очередной и, похоже, последней ступени в мировоззренческой эволюции (а точнее, деградации) человечества. Нигилист хотя бы в чем-то принципиален и последователен -- он возводит в разряд ценностей собственный принцип отрицания всего на свете, -- цинизм же представляет собой полнейшее разложение, расчленение мира на бессмысленные составляющие и предполагает полное отсутствие всякого устремления и любых идеалов. Многие на Западе говорят: мы живем после смерти, ничего уже произойти не может. Действительно, стабильность и комфорт повседневной жизни настолько заполонили собой все, что не оставили малейшего места для чего-то духовного или даже просто душевного. Все привыкли устраивать свои дела самостоятельно и очень собою довольны. Опираясь на свой денежный капитал, каждый человек чувствует себя защищенным и значительным. Однажды во Франции телевидение решило провести опрос на тему "Надеетесь ли вы после смерти оказаться в раю, или в аду?" Все до единого с легкостью и даже некоторым удивлением ответили: "Конечно, в раю, какие могут быть сомнения?!"

Видеть все это очень тяжело. Благодарю Бога за то, что Россия не погрязла в этом обывательском благополучии, что все в ней непредсказуемо и динамично, все заставляет русского человека вновь и вновь молиться, не уповая на одни только собственные силы. Наверно поэтому в храмах России так легко и светло плачется. На богослужениях не знаешь, куда смотреть: на лики или на лица молящихся. Сегодня Россия идет путем страдания, и это, как ни

удивительно, вселяет надежду. По крайней мере, в ближайшие годы ей не грозит то тотальное мещанство, которое превратило немцев в нацию телезрителей, а французов -- в посетителей ресторанов.

Разница между Россией и Западом видна во всем. Слава Богу, наша Церковь жива. Слава Богу, ее проповедь проникает в сердца самых разных людей. Слава Богу, в ней находят приют и утешение творческие, талантливые люди. Слава Богу, продолжает жить и развиваться духовная культура. Не случайно о русской литературе на Западе часто говорят как о средоточии чистоты и света. Однажды в Португалии мне пришлось встречаться с кардиналом Корецом. По происхождению он словак, и при коммунистическом режиме в Чехословакии ему пришлось долго сидеть в тюрьме. Так вот, когда он оттуда вышел, то был буквально поражен происшедшими переменами. Все люди вокруг читали какие-то забойные боевики, эротические романы, оккультную чернуху. Первым, что он сделал после своего освобождения, был запрет для прихожан читать что-либо мирское, за исключением русской литературы... Что в такой ситуации скажешь о возможности единения России и Запада "на основе взаимного уважения взглядов"? Станут ли духовные инстинкты католиков и православных автоматически похожими только из-за того, что католическим собором пересмотрено несколько богословских формулировок? Нет, духовная жизнь это все же полнота жизни, а не какое-то усеченное, описанное тремя-четырьмя формулами состояние. Общность во Христе дается не произвольно, но Духом Святым. Здесь не помогут ни Соборы, ни конференции и собеседования. Здесь личная задача, обращенная к каждому человеку, которая известна в православной аскетике как "духовное трезвение" -- обретение истинного смысла вещей, духовного видения мира, отгнание прочь от себя лукавого секулярного духа, и все это не может быть достигнуто иначе, как через перемену сознания, через покаяние.* (*-русское "покаяние" и есть аналог греческому "метаноя" (перемена сознания))

Но вот что примечательно, слово "покаяние" начисто отсутствует в экуменическом лексиконе. Зато во множестве присутствуют другие сомнительные замены -- "примирение", "прощение", "взаимное уважение" и пр. Своеобразным слоганом экуменического движения стало знаменитое ватиканское "Простите нас, как мы простили вас".

Спору нет, прощать обидчикам есть наш святой долг, заповеданный Самим Спасителем, но в человеческих ли обидах дело? Почти два десятка лет я прожила, по большей части, на Западе. И если за это время кто-то и причинил мне вольную или невольную обиду, то связывать ее с католическими или протестантскими убеждениями обидчика даже на ум не придет. Уверена, что для абсолютного большинства православных в России тем более нет никаких оснований таить обиду на иноверцев. А если нет личной обиды, о каком прощении можно говорить? За что извиняться и что извинять?

Нельзя всерьез говорить и о какой-то генетически передаваемой злобе, обиде за давние религиозные войны и притеснения. Если допустить такую мысль, то гораздо сильнее эта генетическая ненависть проявлялась бы в национальном чувстве русских по отношению к недавним агрессорам -- немцам. Но ведь этого нет! Русские и немцы способны прекрасно понимать друг друга. Более того, среди всех европейских неславянских наций немецкий народ к русским наиболее близок.

Нет, дело здесь совершенно в другом. В вопросе о взаимном прощении мы имеем дело с типичным идеологическим приемом -подменой понятий. Это ведь так просто -- сыграть на высоких чувствах и направить благие устремления в нужное русло. Десятки и сотни тысяч людей после этого станут грезить о Церкви без границ и с неутомимой энергией трудиться над претворением этой идеи в жизнь. Причем трудиться не за страх, а за совесть, думая при этом, что борются за истинно христианские идеалы -примирение враждующих. Всякому ведь известно: "Блаженны миротворцы!"

Но давайте спросим любого из православных в России, держит ли он зло на далеких католиков? Да чем они ему досадили? Если и есть в нас зло на кого, так это на начальника по работе, жену, детей или, наконец, на незнакомца, который в троллейбусе отдавил нам ногу. С них-то и начнем свое всепрощение, а там, примирившись с родными и близкими, соседями и коллегами, в порядке очереди, глядишь, доберемся и до католиков с протестантами. А то ведь Римского Папу простить всегда проще, чем соседа по коммунальной квартире.

И потом. Что делать с остальными? Ведь за пределами "общехристианского братства" все равно останутся какие-то люди. Иудеи, магометане, буддисты, индуисты. Как же быть с ними?

Осуждать или не осуждать? Обижаться за разность во мнениях или не обижаться?

Пожалуй, для прощения нехристиан со временем придется применить подобный же прием -- расширить свои взгляды на Бога и способы поклонения Ему до того, чтобы и здесь достичь необходимого плюрализма. Иначе не сдержимся и непременно осудим.

Дальше -- больше! Наверняка придется изобрести какие-то гуманные объяснения тому, почему некоторые люди (их немалое число в нашем окружении) относятся к вере в Бога прохладно или даже безразлично. Что делать в этом случае? Вероятно, объявить какие-либо видимые формы почитания Творца необязательными и слиться с безбожниками в окончательном и бесповоротном экстазе.

Но ведь для христианина осуждение ближнего - это скорее внутренняя духовная, чем внешняя социальная проблема. А не то обязательно окажется, что блуда можно избегнуть, если стереть все физиологические различия между полами, а страсти скупости, сребролюбия и воровства могут быть излечены только через упразднение частной собственности. Однако последнее, как говорится, мы в России уже проходили.

Пусть не покажутся эти мои рассуждения чрезмерным утрированием проблемы. Для Запада это реальность. По крайней мере, в серьезной (если можно ее таковой назвать) католической печати взаправду обсуждается "новый, открытый взгляд на нехристианские исповедания", а в протестантской среде бурное развитие переживают новые течения наподобие "богословия после Освенцима", фактически признающего равенство двух Заветов -Ветхого и Нового и, соответственно, христианства и иудаизма в силу их близости к одному и тому же Богу.

Налицо явная подмена, которая, слава Богу, пока еще видна нам, православным в России, и, увы, абсолютно незаметна в секулярном западном мире. Так уж повелось сегодня, что любому, даже такому сугубо личному вопросу, как религиозные убеждения, непременно придается широкое общественно-политическое звучание. Примета нашего века -- мышление идеологическими штампами, абстрактными идеями, далекими от реальной жизни. Человека заставляют не обращать внимание на вред той или иной идеи для собственной души, а вместо этого думать, что бы сделать великого для всего мира.

Убеждают, что осуждение ближнего, превозношение над ним, тщеславие своими добродетелями, зависть чужим успехам и прочие внутренние язвы отнюдь не являются чем-то существенным, с чем нужно бороться, а, напротив, все силы должны быть отданы внешней социальной активности, для большей убедительности прикрытой христианским антуражем. При этом даже создается видимость самоотверженности, жертвования личным ради общественного: "Да как ты смеешь думать о своей душе, о своем спасении, когда в мире столько вражды, зла и несправедливости!" Похожую жертву сегодня призывают принести и православных. Но что пользы человеку, если бы даже он целый мир приобрел, а душе своей повредил? (Мф. 16,26)

Современный человек совершенно безоружен против идей мира сего. Странное дело, он не доверяет Церкви, ее опыту, преданию, традиции, но абсолютно доверчив по отношению к любым своим внутренним движениям. И это при том, что внутренние критерии утеряны, а настоящего духовного внешнего руководства нет. Ни одна из конфессий не сохранила до сего дня практического опыта, подобного православному старчеству и духовничеству. Так что же нам объединять? Общие грехи?

Нужно сказать, этот призыв отдать свои души на алтарь "всемирного христианского братства" в России пока особого отклика не находит. Разъединенность с баптистами и католиками пока еще, слава Богу, для нас не есть самая существенная духовная проблема. Собственные грехи и страсти для православного куда более реальны, а прогресс представляется не обобщенно-социально, но в личном практическом смысле -- в покаянном движении вглубь своей души. На этом-то языке покаяния, языке истинно православных духовных ценностей мы и должны говорить обо всех встречающихся нам явлениях.

Язык покаяния один только может предупредить нас и от впадения в противоположную крайность -- заносчивость и снобизм по одному факту принадлежности к России и Православию. Не дай Господь кому-либо из читателей воспринять все вышеизложенное так, будто все православные как-то по-особенному духовно благополучны, будто они автоматически лучше всех остальных только из-за того, что православны. Конечно, для человека в современном мире быть православным -- это определенный шанс, но, как всякая

потенциальная возможность, и этот шанс может остаться неиспользованным.

Говоря о бесполезности и надуманности экуменической теории, я стремилась указать на нечто совсем иное: хотя у каждого нормального православного человека духовных проблем (а вернее, духовных задач) предостаточно, все же странно было бы списать их на Церковь и вероучение. Скорее, каждый их отнесет на свой собственный счет. Хотелось бы предостеречь читателя и еще от одного ложного вывода, будто весь Запад так плох, что не заслуживает никакого внимания, будто нам в России абсолютно нечего позаимствовать, абсолютно нечему поучиться. Разумеется, есть определенный опыт, определенные человеческие качества, которые православным было бы не грех перенять: аккуратность, рачительность, умение решать практические вопросы. В сфере, обычно именуемой "социальным церковным служением" католики и протестанты также преуспели куда больше, чем мы. Однако сказать, что ради этого стоит переделывать православное учение, богослужение, идти на компромиссы, соединять несоединимое, было бы слишком -- в Православии не существует никаких догматических преград, запрещающих брать с инославных любые, даже самые положительные примеры. Нелепо оправдывать экуменическую возню гуманитарными и благотворительными целями, ибо помогать друг другу, обмениваться практическим опытом можно и безо всяких дополнительных формальностей, безо всякого экуменизма.

К моему величайшему сожалению, в России случается встречать и другую позицию -- крайний скептицизм относительно всего, что связано с инославным миром. Критикуются, в частности, характерные для западной христианской традиции деятельные способы проявления милосердия. Что ж, спору нет, увлечение внешним в ущерб внутреннему очень опасно, но нет никакой нужды и в том, чтобы воспитывать в православных сугубое отрицание всего окружающего мира. Православный едва ли что потеряет, узнав подробнее о жизни матери Терезы. Искушения и ошибки, безусловно, могли встречаться и на ее пути, но нужно признать, что большинство из нас бесконечно далеки от внутреннего опыта и состояния души этого человека, всю свою жизнь отдавшего служению ближним. Большинству из нас, увы, свойственно противоположное -- безразличие и холодность к человеческому страданию. Так что важнее было бы будить в людях

сочувствие, чем внушать им идеологически стерильные, но, увы, никем лично не пережитые и не прочувствованные оценки. Для меня самым сильным впечатлением от виденного на Западе был и остается призыв матери Терезы, прозвучавший с трибуны конгресса в Стокгольме: "Я умоляю вас во имя Хрисга, не убивайте своих детей, не делайте абортов!!! Просто родите и отдайте их мне!"

Ведь это не только предостережение от детоубийства -- это христианское обличение, которое несет в себе заряд огромной духовно-нравственной силы, пронизывающий душу до самой глубины. Это христианский вызов, который открыто брошен в лицо всему огромному обезбоженному миру одной маленькой тщедушной женщиной. А сколь нуждается в подобном призыве-обличении наша Россия...

Может быть, это покажется странным, но, говоря о духовной мертвости Запада и уникальности живого православного опыта, обязательно нужно иметь в виду, что в конструктивных отношениях с Западом в первую очередь заинтересованы именно православные. Почему? Да потому, что хоть мы и живы, но отнюдь не без грехов и болезней. Правда, живого человека все же можно лечить, живой человек интересуется своим здоровьем. Поэтому, если не обольщаться своей особенной крепостью, то, видя нынешнее состояние Запада, можно предугадать и те болезни, которыми в недалеком будущем предстоит болеть России.

Логика происходящего в мире такова, что все отрицательные социальные явления, с которыми сталкиваются верующие на Западе, через 5-10 лет обязательно выявляются и в российском обществе. Так что несомненную ценность для нас могут иметь не только "богословские разведывательные рейды" в стан "предполагаемого духовного противника", но и совместная практическая работа по проблемам, которые со всей очевидностью ставит перед христианством современный мир. Как на одну из важнейших современных проблем западного мира можно указать на т.н. аутизм -- замкнутость человека на себя и индифферентность к окружающей жизни, возникающие под влиянием цивилизации. Это действительно серьезная психологическая и духовная проблема. Это какие-то врожденные, патологические уныние и самодостаточность. Мутации становятся заметны даже на физиологическом уровне-атрофируются

чувства: человек не ощущает оттенков вкуса пищи, не обращает внимание на запахи, слух перестает отмечать звуки -- таким образом тело реагирует на чужеродность всего образа жизни. И так с самого младенчества. Детские врачи и психологи на Западе бьют тревогу по поводу все более частых случаев аутизма у новорожденных детей -- ребенок не имеет интереса к жизни, он отказывается сосать грудь, он не чувствует прикосновения матери, он не радуется при ее появлении и ласке.

Аутизм -- лишь одна из целого ряда тем, которыми вплотную занимаются верующие на Западе. Накоплен колоссальный багаж знаний и практического опыта, который наверняка может пригодиться и нам в России. И очень жаль, что во многих случаях мы, демонстративно занимая "строго православную позицию", отворачиваемся от этого опыта и предпочитаем идти своими собственными окольными путями и изобретать свой собственный "православный" велосипед.

Яркой иллюстрацией последствий такой разобщенности может послужить другой пример -- разворачиваемая ныне в России кампания против "сексуального воспитания" детей в общеобразовательной школе. Нужно отдать должное: реальность появления подобного предмета в школьных учебных программах подвигла многих православных к деятельному участию в мероприятиях протеста. Но как неповоротлива и медлительна эта махина, как прямолинейны и безыскусны порой ее действия! Масса времени ушла просто на сбор необходимого материала и формулировку позиции! И это при том, что только в Германии по данной проблематике в свет выпущены десятки религиозных изданий и публикаций, а выдающиеся западные психологи и педагоги, такие как, к примеру, католичка Криста Мевес, обладают огромным фактологическим материалом и опытом противодействия сексуальному просвещению в немецкой школе. Они искренне готовы помочь русским, поработать вместе с православными и для православных, но, увы, подобные возможности редко кого интересуют в России.

Неверно думать, будто каждый православный, выезжающий за рубеж для такой работы, тут же прельщается и становится агентом мирового масонства и экуменизма. На Западе нам действительно есть чего бояться (впрочем, как и в России, ведь соблазнов теперь и здесь

предостаточно), но не стоит тешить себя иллюзиями, что если будем держаться подальше от Запада, то авось за семью замками и отсидимся. Такая тактика едва ли способна сегодня привести к положительным итогам. Характерной чертой современности является сплетенность между собой всех ее явлений. Из России никогда не удастся сделать одного общего монастыря, эдакого православного аналога Королевства Бутан, хотя такая идея, возможно, и выглядит привлекательной. Удалиться в затвор --дело совершенно невозможное сегодня ни в физическом, ни, тем более, в информационном смысле, тем более, что в своем светском, политическом и экономическом развитии Россия пытается идти по стопам Запада. Ныне не удастся ни отсидеться, ни отмолчаться, а потому, говоря об опасности экуменизма и обновленчества, ни в коем случае нельзя превращать эти понятия в идеологические штампы, нельзя наклеивать ярлык "реформаторства и либерализма" на все без исключения.

Я не дерзаю оценивать необходимость и плодотворность "межконфессиональных отношений на высшем уровне", но на уровне простых человеческих проблем и интересов такие взаимоотношения, как правило, носят очень деятельный и осмысленный характер, дают обеим сторонам видимые благие плоды. Безусловно, должно помнить и о той догматической грани, которая делает невозможным наше церковное общение, но нельзя распространять эту грань на выражение человеческих чувств, на взаимопомощь, на обмен людей своими жизненными открытиями. Иначе придется дойти до того, что объявить либералом и экуменистом всякого, кто поддерживает добрые отношения со своими инакомыслящими родными и близкими.

Такая путаница -- типичное следствие борьбы с экуменизмом и обновленчеством в России с помощью политических агитационных мер, которые, увы, за последние годы получили очень широкое распространение. И здесь очень важный момент, на который мне хотелось бы обратить особое внимание. С либерализмом категорически нельзя бороться политически. Нельзя противостоять секулярному духу секулярными же политическими мерами. Этому можно противостоять только духовно, Модернизм опасен не только своими прямыми последствиями -- внушением неверного образа мыслей. Лукавый стремится отторгнуть человека от Богообщения всеми возможными способами. А потому коварство ситуации состоит

еще и в том, что запутаться в сетях экуменизма и "обновленного православия" возможно не только поддавшись на либеральную уловку, но и поступая прямо противоположным образом -- истово борясь против них, полагая все силы на споры и разоблачения.

Для нас было бы непростительной ошибкой позволить либерализму укрепиться в качестве абстрактной политической идеи и в России, как это уже произошло на Западе. Не стоит обольщаться тем, что сегодня "общественное мнение" большинства православных расположено не в пользу реформаторства -политизация по самой своей сути глубоко чужда церковной жизни. Особенно же беспокоит начавшаяся внутри Церкви идеологическая война с использованием "тяжелой артиллерии" -- средств массовой информации. Сценарий развития событий в церковной жизни России пугающе напоминает западный вариант. С одной стороны, удивляться тут нечему -- Церковь не изолирована от мира и рано или поздно идейные противники обязательно обратились бы к газетам, телевидению и радио как рупорам своих взглядов. Но, с другой стороны, становится по-особенному обидно, когда защитники традиции берутся одолеть врага -- лукавого, используя его же оружие. Иначе не расценить .. появляющиеся на страницах консервативной церковной печати сатирические фельетоны (к другому жанру их просто не отнести), в пух и прах разносящие либералов, склоняющие конкретные имена из числа высшего церковного священноначалия? После такой шумихи бывает очень трудно доказать кому-либо на Западе, что широко известные там фигуры российских церковных реформаторов в нормальной православной среде не обладают никаким влиянием, а большинству рядовых верующих просто неизвестны. Стоит большого труда объяснить, что реальная жизнь в Русском Православии пока еще, слава Богу, далеко отстоит от всех политических споров, а духовным авторитетом заслуженно пользуются совершенно иные, незаметные в политическом отношении, люди.

Политике свойственна калейдоскопичность, она уводит человека от реальности в коллекционирование чужих мнений и фактов. Каков основной принцип политики? Мы должны быть "в курсе", мы должны знать обо всем! Вне всякой зависимости от того, касается это нашей практической жизни или нет. Этот принцип заложен в основу любой политики, будь она светской или церковной. Законы и бюджеты,

конституции и инструкции обсуждаются всеми: в Парламентах, правительствах, в печати, на телевидении, на кухнях и в пивных, но едва ли кто из обсуждающих возьмется ответить, как изменится его жизнь, прими или не прими мы ту или иную поправку к закону или стань Петр Петрович пятым заместителем премьер-министра. В последнее время в среде православных, к сожалению, приходится наблюдать практически то же. Родились и окрепли политические фракции и группировки, устоялись симпатии и антипатии, составились досье, разразились самые настоящие бульварные скандалы. И, что самое скверное, все это вызывает общий неподдельный интерес. Помимо врага духовного, возник образ врага политического. Лично досадить он мало кому успел, а большинство его вообще в глаза не видело, но нужно прочно затвердить, что это, действительно, враг. Так сказать, на всякий пожарный случай. Иначе, придет время, обольстятся. Вот и не сходят с газетных страниц и книжных полок творения в духе "не ходите, дети, в Африку гулять...".

О чем радеют их авторы? Кого оберегают от возможных соблазнов? Кому адресуют свои ругательные опусы? Уж конечно, не тем в Церкви, кто живет полнокровной духовной жизнью, сердцем познал смысл духовнического руководства, навык в покаянии и молитве. Таких не нужно оберегать политически. Им не страшны либеральные приманки -- для них это попросту неинтересно. Такие, пожалуй, хотя бы и никаких идеологически-воспитательных статей не читали, увидев в живую пресловутых обновленцев и экуменистов, не искусятся и не стушуются.

Нет, церковная политика настораживает именно этой своей чертой -- направленностью в основном на неофитов. Именно их сегодня пытаются вооружить знанием (а не верою) об опасностях обновленчества и экуменизма. Но как же это оружие ими используется потом? Не умеющему с ним обойтись, оно способно принести один только вред. Почему? Да потому, что в вопросах веры очень трудно действовать методами отрицания и исключения. Вера это все-таки ВЕРА, это у-веренность, это до-верие, то нечто положительное, а не отрицательное, а потому "запропагандированному" человеку, воспитанному не на реальном духовном опыте, а по газетам, крайне сложно стать глубоко верующим человеком.

Увы, за несколько последних лет даже успела создаться видимость некой церковности и допустимости происходящего. Не правда ли, соблазнительно: светскую прессу верующему читать не рекомендуется (опасно для духовной жизни), а церковную газету, по накалу страстей мало чем отличающуюся от какого-нибудь "Московского комсомольца" -- пожалуйста! При этом ты не согрешаешь, а даже наоборот, решаешь духовные задачи -повышаешь свою политграмотность. Не важно, что этих идейных недругов в глаза никогда не видел -- ненависть к ним жива и неуклонно растет с каждым новым номером любимой газеты.

Возникло ощущение необычайной серьезности политических баталий. Издаются книги, собираются подписи под воззваниями и декларациями, созываются конференции, смакующие подробности обновленческой деятельности, организуются богословские дискуссии, ставящие диагноз церковному либерализму с позиций святоотеческого учения, правил Вселенских Соборов и т.п. Но ведь такая тактика уже сама по себе является первой существенной ошибкой! Тем самым овеществляется сам предмет споров. Хотим мы этого или нет, но самая резкая критика обновленчества и экуменизма со временем приводит к обратному эффекту: мало-помалу сознание верующих приучается к мысли, что коль вокруг модернистских идей так много шума -- значит в современной церковной жизни они действительно неизбежны и значимы. Разумеется, была бы ошибочной и противоположная позиция - сторониться обсуждения вопросов церковной жизни, но нужно учитывать, что нынешний либеральный реформизм -- это не "классическая" ересь времен Вселенских Соборов и даже не "протестантизм восточного обряда", как зачастую пытаются его неверно определить. Будет очень большой ошибкой, если мы, исходя из внешнего сходства, объявим нынешнее модернистское течение в Православии частным случаем протестантского сектантства и станем бороться с ним похожими на борьбу с протестантизмом способами. Действительно, общепринятым на Западе стал сегодня либеральный взгляд на христианство, и в особенности этот взгляд распространен среди протестантов. Но все же нужно понимать, что модернизм имеет иную суть, он есть явление, абсолютно чужеродное любой из христианской традиций. Его можно сравнить со СПИДом. На первых порах этот вирус прикидывается "своим", постепенно точит церковный

организм изнутри, а под конец приводит к полной потере духовного иммунитета от любых теорий и новшеств.

Пора осознать, что под либеральными лозунгами скрывается совершенно особый противник -- псевдохристианская секулярная модель, апостасийная пародия на Церковь и учение, а следовательно, и тактика противодействия этому противнику должна настолько же отличаться от привычной, насколько позиционное противостояние двух регулярных армий отличается от борьбы с партизанами.

Когда мы отождествляем с модернизмом какую-либо из известных доселе богословских систем, это означает, что мы очень далеки от понимания его истинной природы. Здесь все гораздо серьезнее: модернизм есть псевдосиситема, псевдомировоззрение, порождаемое мощным се-кулярным духом современности. Секуляризация же сознания в том и состоит, что в голове человека может одновременно присутствовать масса абсолютно несовместных понятий, и политика, привнесенная внутрь церковной ограды, служит мощным катализатором секулярных процессов, той питательной средой, в которой обмирщение сознания верующих происходит особенно быстро.

Таким образом, основной парадокс современной ситуации в Русском Православии заключается в том, что обе воюющие группировки, преследуя, казалось бы, совершенно различные цели, по сути дела, льют воду на одну мельницу, согласно добиваясь общего результата: в Русской Церкви постепенно складывается новая общность -- особый слой людей, так сказать, "люмпен-верующих", которые занимаются не столько делом спасения свою: душ, сколько коллекционированием посторонних мнений и фактов. В церковную среду насильно вносятся чуждые ей политические идеи, верующих искусственно приучают мыслить далекими от их реальной жизни категориями.

Не нужно объяснять, кому на руку такой сценарий развития событий и какой конечный результат будет иметь эта "политико-воспитательная работа". Как в социальном, так и в духовном смысле люмпены всегда были носителями наиболее конъюнктурных, близоруких идей, опорой всего самого революционного. На мой взгляд, самое опасное из того, что происходит в нашей Церкви сегодня -- это не происки экуменистов и даже не протестантские порядки,

внедряемые на своих приходах горсткой экспериментаторов, но постепенное оскудение веры в среде простых верующих, воцарение в сердцах людей мирских взглядов, мирского духа. Если эта "ползучая" секулярная революция в Церкви произойдет, либерализации Православия уже не сможет помешать ничто.

Детальное пережевывание экуменической и обновленческой темы имеет и еще одно печальное следствие. Сами того не желая, мы плодим и разносим по свету соблазны. Вспомним: пересказывание деталей греха всегда строго воспрещалось святыми отцами, даже на исповеди. Почему? Да потому, что в душе всегда находятся струнки, симпатизирующие греху и вздрагивающие при его напоминании. Ничего не поделать, таково наше немощное существо!

Что же скажем в этой связи об обновленчестве и экуменизме? Трудно сыскать заразу в духовном отношении более опасную для современного обывателя. Что привлекает людей в либерализме? Либерализм гуманен. Он стремится изменить Церковь так, чтобы любой мог свободно войти в нее, ничего в себе не меняя. Войти -- и даже того не заметить. Это ведь очень привлекательно: оказаться в числе "избранных Богом" и живущих "духовной жизнью" (не чета другим) безо всякой внутренней ломки, без умирания ветхого человека и рождения нового, без мук пробуждающей

ся совести. Таким образом, в основе обновленчества и экуменизма без труда обнаруживается ни что иное, как маловерие, гордыня и сластолюбие, а это настолько сильные и заразительные страсти, что не будет удивительным, если под их влиянием соблазны и недоумения возникнут даже в тех душах, где их не было раньше.

Представьте себе, к примеру, антирекламу порнографии, для вящей убедительности обильно приправленную наглядными пособиями -- образчиками порнопродукции. Какое впечатление на душу произведет эта "критика"? Ответ очевиден. Та же ситуация и с церковным либерализмом. Раскрывать все секреты экуменической и обновленческой кухни -- занятие в духовном смысле весьма сомнительное. Тем не менее мы раз за разом попадаемся на эту удочку, вынося на общий суд те вещи и суждения, которые, по слову апостола Павла, не должны даже именоваться среди христиан.

До боли обидно бывает видеть ответную реакцию поборников "чистоты Православия" на очередное сумасбродство кого-либо из

либералов. Складывается впечатление, будто последние полностью сроднились с ролью бульварных знаменитостей и окончательно решили поступать от противного -- создавать вокруг себя скандалы и действовать на нервы своим противникам, испытывая от этого злорадное удовольствие. Традиционалисты же, увы, пока не находят ничего лучшего, как подбирать брошенную перчатку и, предоставляя право выбора оружия своим оппонентам, как-то вяло и обреченно следовать за ними к месту новой дуэли. Пожалуй, если завтра или послезавтра две-три известные своими чудачествами персоны, сидя за чашкой чая, решат созвать какой-нибудь "Всероссийский собор либерального духовенства", консерваторы уделят этому частному начинанию столько внимания, что превратят его в по-настоящему масштабное и значительное событие.

Повторюсь еще раз, необходимость контраргументации и разъяснительной работы по проблемам экуменизма и обновленчества сегодня отрицать невозможно. Должна существовать церковная пресса, должны быть межконфессиональные контакты, должна быть современная по форме православная проповедь. Дело совсем в другом. Мы объявляем священную войну за традицию, но при этом, похоже, постоянно путаем вещи местами: не традиция нуждается в нас, но мы нуждаемся в традиции. Не мы призваны хранить Православие, а Православие -- нас. Чтобы православная традиция оставалась живой, за нее надо бороться не внешним образом -- ею просто нужно учиться жить.

Вспомним ситуацию с обновленчеством 20-х. Церковь в крайне тяжелом положении. Гонения большевиков, внутренний раскол. Кажется, нет никаких возможностей для управления положением, противодействия самозванному Высшему Церковному управлению. Не то, чтобы с помощью средств массовой информации нельзя ни о чем известить верующих -- сообщение с Патриархом и между архиереями отсутствует. Любые попытки связаться с епархиями пресекаются властями. Обновленцам удаются, казалось бы, беспрецедентные махинации и аферы. Но вот удивительное дело! Темный, малограмотный, абсолютно неосведомленный "о сути момента" церковный народ в самый решительный момент отказывается идти за раскольниками! Люди чувствуют подмену. Чувствуют ее в духе, ибо сердце, приученное к стоянию в истине, различает то, что не под силу

различить уму. А каково было бы оказаться в подобных условиях иным из нынешних православных, убеждения которых, как некий дайджест, составлены "по материалам печати"? Может ли послужить этот словесный хлам надежным основанием той глубокой и искренней веры, твердость стояния в которой нам, возможно, предстоит проверить уже в самом ближайшем будущем? Сможем ли распознать грядущие духовные соблазны, если копили, по большей части, политический капитал?

В том, что все наиболее важное в Церкви зависит не от политических интриг и баталий, можно убедиться и из примера последних лет. Буквально у нас на глазах произошло настоящее чудо -- Православие в России не просто возродилось, но возродилось именно в традиционных, консервативных формах--с неизмененной богослужебной практикой, с довольно жестким отношением к экуменизму, с твердым святоотеческим фундаментом, с постепенным налаживанием нормальной общинной жизни. Все это может показаться вещами само собой разумеющимися, но в действительности это не так. Русскую Церковь "лихорадило" с конца XIX века; затем -- памятный всем обновленческий раскол, противоречия с эмиграцией и физическое подавление властями любого идейного несогласия в пределах России; наконец, 50-80-е годы -- это тоже период очень противоречивых процессов в отношениях с государством и внутри самой Церкви. Все рациональные (политические) предпосылки скорее склоняли ситуацию к тому, чтобы, возродившись, Русское Православие представляло собой нечто гораздо более либеральное, чем мы видим ныне. Но ведь все случилось по-иному! Без дебатов, без обличительства, безо всякой агитации большинство новообращенных, которых никто не ориентировал политически, утвердилось именно на консервативной позиции, восторжествовали именно традиционные взгляды! Церковь очень разрослась -- не десятки, а даже сотни новых приходов по всей стране с молодыми пастырями во главе. Такое развитие вполне могло происходить иначе, вдохновляться другими, более "прогрессивными" лозунгами и идеями. Более того, на фоне горбачевской "перестройки" -явления по своей сути более чем либерального* (* -- думается, феномен "Перестройки" очень серьезен и нуждается в отдельном подробном осмыслении. Духовное значение этой "тайны беззакония"

глобально и простирается гораздо далее государственных и экономических реформ в Советском Союзе и других соцстранах. Она обозначила наступление целой эпохи для всего человечества. За десять дет у нас в России азарт всего "перво-перестроечиого" как-то уже подзабылся, но, удивительное дело, на Западе и сегодня эта идеология продолжает привлекать пристальное внимание. Отставной президент Михаил Горбачев продолжает очень активную деятельность, слывет "самым любимым человеком в мире" и регулярно приглашается для участия в самых значительных политических и общественных мероприятиях. Во время вручения в Германии очередной премии им было заявлено следующее (не ручаюсь сейчас за дословную передачу, но общий смысл был таков): "Опыт Перестройки, столь удачно примененный в России, необходимо распространить и на весь мир". Особого внимания, анализа и оценки заслуживает нынешняя духовная ориентация Михаила Сергеевича -- его откровенные симпатии к оккультизму и неоязычеству. На недавно состоявшемся в США крупнейшем конгрессе "Ныоэйдж" он играл одну из самых заметных ролей. По-видимому, "Ньй эйдж" и др. подобные движения представляются ему в роли наиболее надежных союзников в грядущей "Всемирной Перестройке".) -- модернистский вариант развития выглядел бы более логичным. Постсоветское общество все эти годы катилось в абсолютно противоположном направлении -- по пути "гуманизма и прогресса", -- и лавина эта была настолько мощной, что могла запросто похоронить под собой любые проявления консервативного мышления в России.

Почему же случилось так, что большинство из нас вопреки "прогрессу" предпочло консервативную православную позицию? Когда я пытаюсь размышлять над этим, то не нахожу никаких иных объяснений, кроме мистических. На этом примере становится видной воочию та грань в таинственном церковном организме, которая отделяет в нем все политическое от промыслительного. Это область, где сильнее и действеннее любых политических аргументов оказывается кровь сотен тысяч мучеников, от подвига которых мы отделены тонким временным слоем всего в два-три поколения. Мученичество же не бывает ни либеральным, ни прогрессивным. Оно всегда радикально и традиционно, оно само есть высочайшее выражение приверженности христианской традиции. Мы возродились

на крови дедов и прадедов, и в России попросту нет иных духовных корней, кроме этих невидимых кровных уз. Здесь никогда не было того анонимного, аморфного христианства, которое заносят к нам заморские ветры. Здесь даже сам воздух пронизан страданием и... праздником. Да, да, праздником, ибо праздник возможен лишь там, где живо страдание. Поэтому для Запада, даже для религиозного Запада переживание праздника стало делом совершенно недоступным, в России же люди, встречаясь друг с другом в храме, здороваются: "С праздником Вас!" -- и это простое и милое "с праздником!" служит здесь основой очень многому.

Именно в праздничности и драматизме Православия заключены те две великие стихии, которые влекут человека в Церковь, делают его религиозную жизнь, его труд над собой, его страдания -- осмысленными. И как жаль бывает, когда в реальной жизни православная проповедь и православная катехизическая беседа выглядят не сродно этому жизнеутверждающему, жизнепреобразующему настрою! Приходится признать: зачастую мы не только не раскрываем перед людьми глубины этой драмы и этой радости, но даже поступаем противоположным образом --запугиваем. Вероятно, это делается в расчете, чтобы человек, испугавшись предупреждений: "не ходи в мормоны, не ходи в баптисты, не ходи в католики, не ходи в обновленцы", повертелся-повертелся на месте, да от безысходности и пришел бы в православный храм. Но возможно ли из такой проповеди почерпнуть что-либо положительное? Удастся ли человеку составить какое-то представление о сути самого Православия? Станет ли православная вера его искренним убеждением? Маловероятно. На деле с ним может произойти совершенно обратное: в храм такой человек, вполне возможно, придет, но лишь затем, чтобы стать (по образу и подобию своих учителей-наставников) "образцово-показательным" ругателем всего и вся, записаться в политически верный лагерь и начать поносить на чем свет стоит "врагов истинного Православия".

Может случиться и нечто похуже. Человек вообще откажется кому-либо верить ("между собой, мол, сперва разберитесь"), либо при определенных обстоятельствах попадет в мормонскую, католическую, иеговистскую, баптистскую, обновленческую или какую другую общину, встретит там мило улыбающихся и дружно проводящих время

людей, и внезапно поймет, что все слышанное о них от православных как-то не очень соответствует 'видимой действительности, после чего воодушевится и станет образцовым сектантом, навсегда сохранив при этом воспоминание о Православной церкви как о сообществе людей темных, забитых и недовольных всем окружающим миром.

Такова оборотная сторона политического, пропагандистского подхода. Таковы печальные плоды увлечения идеологией в противовес благовестию. А что следовало бы вместо этого делать и как понимать православное благовестие? Отнюдь не только как евангельскую весть -- это досужий протестантский стереотип. Для православного человека благовестие значительно шире -- это еще и весть о том, что Христос пребывает в нашей Церкви, что Церковь на протяжении уже двух тысячелетий живет и действует, что сонмы святых и праведников уже прошли тем спасительным путем, которым ныне идем мы, живущие на Земле православные христиане. Об этом-то более всего нужно говорить сегодня, и нам действительно есть о чем рассказывать людям как в России, так и на Западе. Это особенно ясно понимаешь вдали от Родины, общаясь с людьми за рубежом. В России сегодня мы лишены многих "благ цивилизации", но вместо всего этого у нас есть одно великое, хотя и не вполне нами осознаваемое благо, -- родиться и жить в православной стране. Более того, не просто в православной стране, но стране самого страдающего Православия, самого драматичного Православия на свете. Не случайно именно Россия подарила миру святых двух совершенно особых типов -страстотерпцев и юродивых. Ни в Греции, ни в какой другой православной стране страстотерпцев никогда не было и нет, а вот на Руси самыми первыми святыми становятся страстотерпцы князья Борис и Глеб, весь подвиг которых в том, чтобы со смирением принять все, даже смерть от руки убийцы.

На этой земле мы имеем возможность быть православными совершенно естественно. Для того, чтобы ощутить свою внутреннюю причастность к традиции, достаточно просто быть собой, тогда как для западного человека этот путь всегда очень мучителен. Вероятно, поэтому западное Православие представляет собой нечто совершенно иное, не похожее на Православие в России. На всей его жизни как будто лежит отпечаток тягостной борьбы, в нем скрыта какая-то неизбывная ностальгичность, и временами я остро ощущаю, к чему эта ностальгия относится. Это тоска по той самой естественности,

тоска по великой Православной Родине -отражению Отечества Небесного в видимом нам материальном мире, словом, по всему тому, что мы в России имеем даром.

Главнейший аргумент в пользу Русского Православия сегодня -- само существование Православия в России в тех формах, которые уже давно нигде в мире немыслимы. Его сила и действенность видна людям невооруженным глазом. Нам нужно только не скрыть, не утаить от ближнего это сокровище, а об остальном позаботится Бог. Если перед человеком раскрыть глубину и богатство русской духовности -- это сделает его причастным традиции не по политическим мотивам, но по велению души, по внутренним сердечным побуждениям.

Представьте себе, они (верующие на Западе) слушают рассказы о духовничестве и старчестве, как дети, затаив дыхание. Для них это что-то невероятное, какое-то живое чудо. Не случайно слово "старец" в числе немногих других русских слов безо всякого перевода вошло в большинство европейских языков как символ духовной мудрости и святости жизни. Завершается лекция -- начинаются вопросы. Такие же по-детски наивные вопросы: "Татьяна, а у вас есть духовник?", "А что можно сделать, чтобы и у нас на Западе были старцы?" А ведь это говорят взрослые, солидные люди!

В 1995 году на всемирном психотерапевтическом конгрессе GWATT под Базелем (это такой очень представительный форум, проводящийся раз в 8 лет), мне даже довелось выступить перед огромной аудиторией лучших умов в этой области с докладом... о старчестве. Конгресс был посвящен проблеме "Наука и интуиция" и открывался этим докладом. По сути, это признание полного тупика, в который зашел западный мир во всех отношениях -- и в научном, и в нравственном, и в духовном.

Не все на Западе ощущают этот тупик, но все-таки есть люди, ищущие выхода. В этом своем поиске они довольно часто обращаются к опыту Православия. Многие католики в ужасе от того, что произошло с католической церковью. Они буквально на глазах лишились глубины духовной жизни, они не доверяют своим священникам. Каждый раз, когда мне приходится приезжать в Россию, я привожу с собою десятки писем, адресованных православным батюшкам. Люди описывают всю свою жизнь, вспоминают все свои грехи, начиная с детства, просят советов, молитв. Многие, хотя

никогда и не бывали в России, испытывают невероятно трепетные чувства к нам и нашей стране. Говорю "невероятно", ибо мне даже после стольких лет жизни на Западе едва ли удалось в той же мере полюбить Германию или Францию.

Конечно, интерес к Православию на Западе нельзя назвать массовым явлением -- по-настоящему массовыми там являются два занятия: зарабатывание денег и потребление удовольствий, но все же в среде верующих интерес к Православию довольно значителен. Случается, даже пытаются молиться Иисусовой молитвой. Разумеется, бездуховного руководства, без налаженной приходской жизни это оказывается трудным. Переводят и читают древних отцов, абсолютным бестселлером после Библии стали "Откровенные рассказы странника..." На немецком языке мне доводилось встречать такие творения св. отцов, о которых в России никто понятия не имеет, поскольку они на русский попросту не переведены.* (*-немецкий вариант "До6ротолюбия",к примеру, содержит около двадцати пухлых томов.)

Придет ли после этого на ум идея "сблизить" православное богослужение с протестантским? Или, напротив, замкнуться в своей "православности" так, как будто ее вот-вот украдут? Когда думаешь, какие чувства довелось бы испытать, изменись (не дай Бог, конечно) Православие на западный манер, первое, что приходит в голову - это жгучий стыд за неубереженную святыню, стыд перед тысячами тех немцев, французов, англичан, итальянцев, которым хотя бы немного удалось почувствовать красоту кашей веры, которые обращались к России в своих самых сокровенных надеждах. "Зачем? Зачем не сохранили, не сберегли? Зачем угасили этот живой огонек?"

Ни у кого из этих людей нет мысли обращать нас в свою веру, доказывать свою правоту, строить коварные планы по развалу Православия. Им уже не во что нас обращать - потеряно все. Они просто ждут, чтобы им рассказали о России, о нашей церкви. Для современного Запада это явление поистине загадочное и уникальное. Когда это видишь, всегда благодаришь Господа, что Он удостоил нас такого поразительного богатства, света такой невероятной силы, который виден даже за тысячи верст.

И в этом я вижу еще одну и очень важную причину, по которой Православие сегодня должно быть открытым миру. Мы должны

свидетельствовать Истину. В наши дни мы просто не имеем права не свидетельствовать. Для многих наших современников православное свидетельство -- это единственный шанс для нравственного и духовного пробуждения. И дело не в том, чтобы принимать на себя какие-то великие миссионерские задачи, бросаться всем проповедовать, организовать крестовые походы и обращать Запад в Православие -- дело вовсе не в политике и пропаганде.

Не оттолкнуть! Не пожалеть хотя бы малой частички тепла для тех, кто ищет и нуждается в нем. Суметь донести до сердца ближнего свою веру, свои убеждения, свой небольшой опыт.

Для того, чтобы человеку воспрянуть от чувства тоски и безысходности, стряхнуть с себя уныние, воскресить в себе лучшее, не нужно многого. Ему бывает достаточно просто увидеть, что есть на Земле кто-то другой, кто ищет Божьего, что Сила Божия не отступила от нас, но действенно проявляется даже в наши тяжелые времена, что существует такая Церковь, которая сохраняет целостное христианское видение мира, в которой духовность не заслонена политикой, которая не бросает свою паству на произвол судьбы, а как заботливая мать ведет своих чад ко спасению.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда работа над брошюрой уже завершалась, внимание привлек опубликованный в "Православной беседе" материал под названием "Верны своей вере". В редакцию православного журнала пишет русский католик-традиционалист (так он именует себя сам), приверженец линии известного католического архиепископа Марселя Лефевра (ум. 1991), который отверг все нововведения II Ватиканского собора и основал священническое братство св. Пия X. Католики, входящие в это движение, по-прежнему совершают богослужение по старому обряду, ими осуждается экуменическая направленность действий Ватикана. Сегодня в братстве состоят четыре епископа и более трехсот священников, братство имеет немалое влияние в Европе, особенно в традиционно мыслящих кругах монашествующих.

Дмитрий Пучкин, автор письма, приводит многочисленные факты, характеризующие нынешнее состояние католичества, предупреждает православных о надвигающейся на Россию опасности церковного либерализма. Выступая с позиции здравого консерватизма, он находит множество подтверждений тому, что старая церковная

католическая традиция хотя и отрицает возможность каких-либо компромиссов с иными конфессиями, сегодня оказывается куда ближе к позиции православных, чем "открытый", "дружественный ко всем христианам" и до конца реформированный католицизм.

Многие мысли, высказываемые им в своей работе, удивительно созвучны тому, о чем с такой тревогой и болью говорит Татьяна Михайловна Горичева. Прислушаемся: "[...] Пожалуй, самым пагубным деянием собора была богослужебная реформа 1969 года. Служба была не просто сокращена, а именно переделана так, чтобы больше походить на протестантскую. В частности, реже поминаются небесные силы и святые, почти нет упоминания о жертвенном характере Евхаристии, сокращено число крестных знамений, поклонов и коленопреклонений, на Страстную Пятницу священник надевает не черное литургическое облачение, а красное -- так же, как это принято у англикан.[...]

Новая месса чаще всего служится на народном языке вместо латыни (следует заметить, что практика Православных Церквей, равно как и практика традиционно настроенных униатов, использующих древние языки (церковнославянский, древнегреческий), ближе к практике като-ликов-традиционалистов, служащих по-латыни, чем к практике католиков-обновленцев и протестантов, использующих современные языки).

Отметим, что многие священники-модернисты грубо нарушают даже обновленческие литургические нормы: на их мессах поют псевдорелигиозные песни под гитару в поп- и рок-ритмах, из многих храмов выдворены старинные статуи и иконы и т.п. Польский журналист, католик-обновленец Чеслав Рыщка пишет, что, попав в католический храм в Голландии, поляк усомнился было, в церковь ли он пришел, настолько служба совсем ни на что не похожа: "...приветствие члена общины, общая песня об узниках и рабах, подведение итогов недельной деятельности общины, размышления на тему "Что мы можем сделать" (проповедь?), песня о мире и перерыв, во время которого миряне собирают пожертвования, присутствующие переговариваются друг с другом, порой дымят сигарой..." Как-то один французский священник служил на пляже мессу для экологов, приехавших на атолл Муруроа протестовать против ядерных

испытаний. Он был одет (слово "облачен" здесь явно неуместно) в шорты и короткий прислужнический стихарик[...]

II Ватиканский собор одобрил экуменизм, то есть такое понимание стремления к христианскому единству, которое рассматривает различные по догматике вероисповедания как равноправных партнеров по диалогу, вводя таким образом равноправие истины и заблуждения. Декрет об экуменизме утверждает, будто инославные церкви "не лишены значения и ценности в тайне спасения", а их обряды " способны открыть доступ к общению во спасении". Участие в экуменическом движении пытаются навязать всем католикам как каноническую обязанность. О нехристианских религиях Декларация об отношении к ним кощунственно утверждает, будто церковь "не отвергает ничего из того, что истинно (?!) и свято (!!!) в этих религиях". Так в организованном Ватиканом в Ассизи межрелигиозном молении о мире во всем мире 27 октября 1986 года присутствовали заодно с анимистами, мусульманами, буддистами христиане всех исповеданий (в молении участвовал бывший тогда митрополитом Филарет (Денисенко), ныне отлученный от Церкви Архиерейским Собором 1997 года). Католический храм был предоставлен во временное пользование буддистам, и на престол они поставили статую Будды![...]

А уготавливали все эти безобразия в 50--60-е годы безобидными на первый взгляд призывами к незначительному сокращению службы и приближению ее к народу. Думается, что если православные церковные власти не примут строгие меры по отношению к тем, кто выступает за какие-либо литургические новшества, то с православным богослужением будет то же, что и с католическим, -- какой-нибудь вариант "1969 г." (наверное, более лукавый, с длинным умеренно-переходным периодом) .

Нелишне напомнить, что "аджорнаменто", то есть приноравливание церкви к сегодняшнему дню, готовилось постепенно, говорилось, будто все те же традиционные христианские идеи можно и нужно изложить "новым языком", понятным "современному человеку", а поскольку понятие "язык" трактовалось очень широко, то с помощью сего троянского коня внедрялись и новые идеи. Во вспомогательных богословских дисциплинах (истории Церкви, библеистике) стало модным выдвигать гипотезы спорного характера

(такое-то сказание из житий святых -- легенда, такое-то место из Писаний -- вставка), чем психологически готовили к ревизии догматики [...]

Позволю себе в заключение сказать православным читателям: "Берегитесь экуменизма и модернизма во всех формах и видах!" Я, конечно же, как католик, занимаю принципиальную позицию по всем вопросам, в которых Православная Церковь не согласна с Римо-Католической (Филиокве, Непорочное Зачатие (Девы Марии, -прим. ред.-сост.)), но модернизм -- наихудшее зло, синтез всех ересей [...]".

This file was downloaded from Z-Library project

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.se singlelogin.re go-to-zlibrary.se single-login.ru

Official Telegram channel

Z-Access

https://wikipedia.org/wiki/Z-Library